

СИБИРСКАЯ МЫСЛЬ

II-й годъ изданія.

Иркутскъ. Пятница, 24 іюня 1911 г.

Газета общественная, политико-экономическая и литературная.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой.

Внутри Имперіи . . .

За границу . . .

Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
7 р.	4 р.	2 р.	1 р.
12 ⁵ р.	7 р.	4 р.	1 р. 50 к.

Цѣна номера въ розничн. продажѣ 5 коп.

Цѣна объявленій:

За строку петица впереди текста—20 к., позадъ—10 к.
Годовыя и мѣсячн. объявленія по соглашенію съ конторой.
Инициалъ труда дѣлается большая уступка.
Извѣщенія объявленія печатаются по десять коп. за строку
петица позадъ текста, на первой страницѣ гдѣ двадцать
коп.

Редакція и контора газеты помѣщаются въ домѣ Розень по Пестеревской ул.

Редакція для переговоровъ открыта съ 10 час. утра до 3 час. дня; контора открыта съ 9 час. утра до 6 час. вечера. Объявленія послѣ 6 час. вечера могутъ быть сданы въ типографію Макушина и Посохина, Большая ул.

№ 157.

По Россіи.

(Изъ газетъ.)

Чеховъ и Щегловъ.

Одинъ изъ самыхъ дорогихъ украшеній рабочаго уголка покойнаго Щеглова былъ портретъ А. Чехова съ дружественной надписью: ... „На добрую вѣчную память о старинѣ глубокой, когда мы познакомились...“

Въ записной книжкѣ умершаго Щеглова сохранилось много чеховскихъ сюжетовъ, импровизованныхъ подъ наплывомъ извѣстнаго настроенія и таявшихъ къ концу бесѣды.

Чеховъ предостерегалъ Щеглова отъ увлеченія театромъ.

— Вы хотите спорить со мной о театрѣ? — писалъ онъ. — Сдѣлайте ваше одолженіе, но вамъ не переспорить моей нелюбви къ эшафотамъ, гдѣ казнятъ драматурговъ. современный театръ, это — міръ безтолочи, тупости, пустозвонства!...

„Водевиль“ являлся, въ которыхъ образъ, мировымъ посредникомъ между Чеховымъ и театромъ. Что же касается личныхъ пріятельскихъ отношеній Чехова къ Щеглову, то тутъ-то водевиль и сыгралъ негласную роль свата, и самъ Чеховъ признавался, что его первая симпатія къ И. Л. онъ почувствовалъ, посмотрѣвъ у Корша комедію „Въ горахъ Кавказа“, которую, однако, считалъ „счастливымъ образчикомъ русскаго водевиля“.

Щегловъ любилъ рассказывать о случаяхъ спасенія имъ Чехова отъ назойливыхъ гостей, иѣшавшихъ во время спѣшной работы.

— Чеховъ, — рассказывалъ Щегловъ, — перерабатывалъ своего неудачнаго «Лѣша»

№ 157

Сибиревал Мьоль 1911 г.

8

го», — изъ чего получилась лучшая драматическая вещь „Дядя Ваня“, — и былъ въ особенно возбужденномъ состояніи, когда такъ хочется работать. Изъ окна отведеннаго мнѣ флигеля было видно, какъ крыльцу скромнаго чеховскаго домика подкатывали брички, тарантасы, и въ маленькой проходной комнатѣ, возлѣ кабинета, не переставали мужики и бабы — кто за дѣломъ, кто за пустяками, кто за врачебной помощью... Въ довершеніе несчастья къ завтраку свалился, какъ свѣтъ на голову, гость изъ Москвы, — невѣдомый толстой нѣмецъ, молодой и франтоватый, чуть ли не зубной врачъ, котораго Чеховъ какъ-то случайно встрѣтилъ въ Москвѣ, около клиники, и, какъ «коллега» въ нѣкоторомъ родѣ, сообщилъ свой адресъ.

Нѣмецъ оказался довольно добродушнымъ малымъ и сразу выложилъ свои карты. Дѣло въ томъ, что у него была занасена гдѣ-то невѣста, — онъ собирался жениться, для чего и выхлопоталъ трехмѣсячный отпускъ. И вотъ, проездомъ ему пришло въ голову заѣхать къ «коллеге» и погостить недѣлку-другую.

«При послѣднихъ словахъ я внутренно похолодѣлъ за Чехова и рѣшилъ во что бы то ни стало спасти его отъ нѣмца... И я сталъ усиленно его гипнотизировать, объяснять, что Чеховъ — первый русскій писатель, что онъ серьезно боленъ и нуждается въ полномъ покоѣ, что если русскіе люди некультурны и этого не понимаютъ, то онъ — культурный сынъ культурной страны, — конечно, все пойметъ. Нѣмецъ посмотрѣлъ съ уныніемъ на свой великолѣпный чемоданъ и вдругъ рѣшительно вына-лилъ:

— Вы правы, Herr Щегловъ: всякій чортъ сюда лѣзетъ!.. Давайте ѣзжать назадъ!

Я почти со слезами обнялъ благороднаго нѣмца, — сначала, признаться, я понялъ его фразу въ единственномъ числѣ и не разобралъ, что онъ ставить на одну доску свое шапочное знакомство и мою десятилѣтнюю дружбу.

Нечего было дѣлать, — надо было «ѣзжать назадъ»... Виѣствъ ужъ выручать товарища, такъ выручать!

Но этимъ анекдотъ не кончается...

Выѣхали мы во-время и ѣхали все время благополучно, когда на половинѣ дороги нѣмецъ вдругъ поблѣднѣлъ, и, ухвативъ кучера за кушакъ, остановилъ тарантасъ.

— Что случилось?

Нѣмецъ тупо смотритъ на меня.

— Надо ѣзжать назадъ: я забылъ мой пальто!..

Мнѣ слѣлалось нехорошо. Но внезапная счастливая мысль озарила меня, и ко мнѣ вернулось самообладаніе.

— Что жъ, вернемтесь, — съ мнимой покорностью поддкнулъ я, — только очень жаль... что вашей свадьбѣ теперь не бывать.

— Это зачѣмъ? — спрашиваетъ ужаснувшійся нѣмецъ.

— Очень просто, зачѣмъ, — затѣмъ, что вѣтъ на свѣтѣ хуже примѣты... какъ возвращаться съ пути назадъ! Во время путешествія это — самое роковое предзнаменованіе!..

Суевѣріе помогло. Мы двинулись въ путь, а Чеховъ, занятый „Дядей Ваней“, былъ спасенъ».

Въ св. символѣ